

«ЧЕЛОВЕК, УВИДЕВШИЙ ГОЛОВУ МЕДУЗЫ»: ТВОРЧЕСТВО Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ШВЕДСКОЙ КРИТИКЕ НАЧАЛА XX В.

К.Р. Андрейчук

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия; enantiosemtia@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена критической рецепции творчества Достоевского в Швеции начала XX в. — в период, названный одним из критиков временем «культа Достоевского». Научная новизна статьи связана с тем, что ранее исследовалось лишь влияние Достоевского на художественную литературу этого периода. Автор статьи обращается к переводческой и издательской практике того времени, выясняя, какие новинки (переводы произведений самого Достоевского и книг о нем, в первую очередь работы Д.С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский») определили обновление интереса к Достоевскому. Также в статье рассматриваются социально-политический фон рецепции Достоевского и причины актуализации интереса к России и русской литературе. Автор статьи выделяет наиболее характерные и любопытные примеры критических статей о Достоевском и на их основе делает вывод об изменении восприятия Достоевского относительно предыдущей волны интереса к нему (в 1880-х). Так, теперь «болезненность» Достоевского воспринимается не как недостаток, а как черта гениальности. Кроме того, развенчивается свойственный радикальным авторам 1880-х гг. взгляд на Достоевского как на нигилиста, уступая место попыткам обозначить его то как анархиста или социалиста, то как индивидуалиста, то как националиста. Выделяются два способа актуализировать творчество Достоевского в контексте интереса шведов к русской литературе начала XX в., когда он рассматривается как предшественник, с одной стороны, М. Горького (что привлекает пролетарских авторов), а с другой — Л. Андреева (что важно для представителей раннего модернизма).

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский; Швеция; рецепция; критика; переводы; А. Бруниус

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-05-12

Для цитирования: Андрейчук К.Р. «Человек, увидевший голову Медузы»: творчество Ф. М. Достоевского в шведской критике начала XX в. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 5. С. 144–153.

“THE MAN WHO SAW THE HEAD OF MEDUSA”: DOSTOEVSKY’S WORK IN SWEDISH LITERARY CRITICISM OF THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Kseniia R. Andreichuk

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; enantiosemia@yandex.ru*

Abstract: The article is devoted to the critical reception of Dostoevsky’s work in Sweden at the beginning of the 20th century. Critics regarded this period as the time of the “cult of Dostoevsky”. The novelty of the article is related to the fact that previously only Dostoevsky’s influence on the fiction of this period had been studied. The author of the article turns to the translation and publishing practices, the socio-political background of the reception of Dostoevsky, and the reasons for the renewed interest in Russian literature. The author highlights the most characteristic examples of critical articles about Dostoevsky, and draws a conclusion about a change in the perception of Dostoevsky relative to the previous wave of interest in him. Thus, now Dostoevsky’s “morbidly” is perceived not as a shortcoming, but as a feature of genius. The view of Dostoevsky as a nihilist that was characteristic for the 1880s is debunked, giving way to attempts to designate him either as an anarchist or a socialist, or as an individualist, or as a nationalist. Two ways of actualizing Dostoevsky’s work in the context of Russian literature of the beginning of the 20th century are distinguished, when he is considered, on the one hand, as a predecessor of M. Gorky, and on the other, of L. Andreev.

Keywords: Dostoevsky; Sweden; reception; criticism; translations; A. Brunius

For citation: Andreichuk K. (2025) “The Man Who Saw the Head of Medusa”: Dostoevsky’s Work in Swedish Literary Criticism of the Beginning of the 20th Century. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 144–153.

Введение. История вопроса

Период с середины первого до начала третьего десятилетия XX в. — время пересмотра творчества Достоевского в шведском культурном пространстве. За волной популярности русского писателя в 1880-х гг., ознаменованных первыми переводами крупных романов и публикацией большого числа рецензий в критике [Андрейчук 2025: 120–121], в 1890–1905 гг. последовало затишье (в это время на шведском не вышло ни одной книги Достоевского; существовали только журнальные публикации). Это затишье было нарушено выходом в свет переводных книг о Достоевском, повлекших возобновление интереса издателей, переводчиков, рецензентов и читателей к его творчеству и определивших новую ветвь шведской рецепции русского классика.

Столь важный для понимания влияния Достоевского на шведский литературный процесс период (современники характеризовали его как время «культа Достоевского» [Brunius 1923: 129]) до сих пор остается без достаточного теоретического осмысления. И в отечественной, и в зарубежной науке существуют исследования, посвященные влиянию Достоевского на конкретных авторов этого периода: С. Лагерлёф [Кобленкова 2017], Я. Сёдерберга [Сухих 2012], Я. Бергмана [Львовский 1999], П. Лагерквиста [Szewczyk-Haake 2015], Д. Андерссона [Ågren 1971] и т. д. Некоторое обобщение особенностей восприятия Достоевского в художественной литературе было сделано Д.М. Шарыпкиным [Шарыпкин 1976]. Однако тема нашей статьи — критическая рецепция в контексте социально-политического фона и издательской практики — не получила должного внимания.

Обновление интереса к Достоевскому: публикация переводных книг о нем и сопоставление с русской литературой начала XX в.

Первой публикацией, нарушившей затишье, стал перевод сочинения Д. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский», выполненный Э. Веер и вышедший в издательстве «Hugo Gebers» в 1906–1907 гг. Роль книги Мережковского ретроспективно анализирует А. Бруниус в статье 1923 г.: «Это был звук первой трубы, возвестившей переоценку Достоевского, долго не утихавший звук...» (здесь и далее пер. со шведского мой. — К.А.) [Brunius 1923: 132].

Благодаря публикации этой книги скандинавские читатели переосмыслили те особенности творчества Достоевского, которые ранее их отталкивали. Ранее шведы, восхищаясь Достоевским как, во-первых, защитником угнетенных и даже нигилистом-провозвестником революции [Андрейчук 2024: 116–119], а во-вторых, криминальным психологом [Андрейчук 2025: 122–124], вслед за Брандесом не одобряли изображение помешательства и критиковали «аскетизм», «христианскую мистику» и нечеткую композицию [Brandes 1988: 525] в романах Достоевского. Теперь эти черты рассматриваются как признак гениальности русского писателя. Например, поэт и критик Оскар Левертин пишет: «Несмотря на всю испорченность его <Достоевского> натуры — всегда можно заметить в его работах влечение к извращенному, — он для Мережковского, с которым мы счастливы согласиться в данном случае, несравненно более тонкий, более искренний человек, чем Толстой: он погружается глубже во мрак и на дно, но также достигает более высоких сфер разума и чувств <...> Достоевский — это человек, увидевший голову Медузы и познавший из ее глаз весь страх и трепет бытия» [Levertin 1906].

В 1911 г. в издательстве «Бонньерс» выходит перевод «Трёх разговоров» Вл. Соловьева, выполненный той же Э. Веер. Любопытна анонимная рецензия на эту книгу: в ней объединяются Достоевский, Мережковский и Соловьев как типичные русские мыслители. Согласно автору статьи, в России нет философии, основанной на разуме, хотя прозрения русских представляют большой интерес: «Над духовной жизнью русских лежит отблеск утреннего румянца мифов, восточная и христианская мистика окрашивает их мир понятий, над их идеями нависают религиозные видения, а действительность кажется им символами <...> в первую очередь на ум приходит Достоевский, который изложил свои величайшие идеи в поэтической форме» [Tre samtal 1911].

Достоевский в роли поэта вне политики был воспринят как предшественник Л. Андреева, унаследовавшего апокалиптические настроения и яркую образность [Persson 1915; Smith, 1920]. Противоположной тенденцией стало восприятие Достоевского как провозвестника социальных изменений и, таким образом, предшественника М. Горького [Gorkij M. Den nyaste ryska litteraturen 1923; Den ryska frihertsrörelsens diktare 1905]. Как предшественник Горького Достоевский заинтересовал пролетарских писателей (М. Коха, Р. Йенделя), как предшественник Л. Андреева — ранних модернистов (Э. Сёдергран, П. Лагеркиста). По мнению Э. Витт-Браттстрём, именно через Достоевского апокалиптическая традиция была перенесена в скандинавский модернизм [Witt-Brattström 2011: 79].

Интерес, появившийся благодаря переводу сочинения Мережковского, вылился в издание других книг о Достоевском и его писем. Следует отметить перевод с французской оригинальной рукописи и немецкой публикации книги Л. Достоевской «Достоевский в изображении своей дочери», опубликованный в издательстве «Хёкерберг» в 1921 г. Газеты регулярно сообщали о новых найденных письмах и фрагментах Достоевского и даже публиковали их (например, «Норршенсфламман» 22 февраля 1922 г., «Дагенс нюхетер» 3 марта 1922 г. и 14 апреля 1923 г., «Свенска дагбладет» 14 февраля 1924 г.). Уже в 1912 г. в «Дагенс нюхетер» (22 января) обсуждаются французский перевод писем Достоевского и ранние работы Андре Жида, написанные на их основе.

Основные переводчики

В 1900–1920-е гг. над произведениями Достоевского работают два крупных переводчика. Э. Рюделиус (1885–1957), писательница и переводчица с английского, французского, итальянского и русского языков, перевела романы «Униженные и оскорбленные» (в 1912), «Записки из Мертвого дома» (в 1913), «Братья Карамазовы»

(в 1918), «Идиот» (в 1919), «Белые ночи» (в 1920), «Подросток» (в 1928), рассказы «Роман в девяти письмах» (в 1919), «Маленький герой» и «Скверный анекдот» (в 1920), а также повесть «Кроткая» (в 1924).

А. Йенсен (1859–1921), славист-историк и филолог, писатель и поэт, обратил внимание шведских читателей на многих ранее неизвестных авторов, сделал новый перевод романа «Бедные люди», издал на шведском письма Достоевского, впервые перевел на шведский «Дневник писателя», повести «Белые ночи» и «Хозяйка», рассказы «Крокодил» и «Чужая жена и муж под кроватью».

Социально-политический контекст

Все эти переводы были сделаны в 1910–1920-х гг., однако уже в 1905 г. Йенсен, совершив поездку в Россию и встретившись с А.Г. Достоевской, посвятил русскому писателю главу в книге «Царство на распутье. Очерки о современной России». В ней Йенсен пишет: «В эти смутные, нервные времена, когда русская земля полна семян разнообразных болезней, мне видится тень Достоевского, парящая над событиями в России» [Jensen, 1905: 142–143].

Смешанный с испугом интерес к российскому нигилизму, распространившийся в Швеции в 1880-х, в самом начале XX в. сменяется, с одной стороны, ощущением угрозы российской экспансии (в связи с непрекращающимися конфликтами восточного соседа с Англией и на Балканах, франко-русским военным союзом 1894 года, нарастанием напряженности между Россией и Германией, усилением политики русификации в Финляндии и в особенности после русско-японской войны 1904–1905 гг.), с другой — во время ослабления Российской империи в 1904–1905 гг. — милитаристскими настроениями и вниманием к назревающим изменениям в российском обществе, рассматриваемым в сопоставлении с настроениями в Швеции. Революции 1905–1907 и 1917 гг., безусловно, привлекли еще больше внимания к российской политике и культуре, причем зачастую шведские авторы пытались определить роль Достоевского в зарождении революционных идей.

Дискуссии о взглядах Достоевского на общество

Восприятие Достоевского как провозвестника революции, берущее начало еще в 1880-х гг., становится особенно актуальным в преддверии и во время Первой мировой войны, когда в Швеции обостряются социальные противоречия. Неслучайно в это время выходят и приветствуются критикой новые переводы «Униженных и оскорбленных» и «Записок из Мертвого дома» (в «Афтонбладет» от 9 ноября и 12 декабря 1912 г.)

В начале XX в. газетные рецензенты постепенно начинают отделять Достоевского от нигилистов (а Сельма Лагерлёф — уже в 1890-е гг. [Андрейчук 2021: 498]). Например, в «Свенска дагбладет» в 1905 г. пишут: «С непримиримой ненавистью преследовал Достоевский нигилизм. И все же он нашел в нигилистах своих самых восторженных поклонников. Он практически стал знаменем, под которым собиралась революция» [Den ryska frihertsrörelsens diktare 1905]. В 1914 г. выходит рецензия М. Коха на «Записки из Мертвого дома», в которой автор говорит о том, что если молодой Достоевский был за революцию, то впоследствии он отходит от этих идей (Кох симпатизирует ранним взглядам Достоевского) [Koch 1913]. Парадокс Достоевского, против своей воли ставшего предшественником революции, рассматривают и более поздние рецензенты (Х. Грэйп в статье «Достоевский как политический писатель» в «Афтонбладет» от 30 декабря 1921 г., К.-А. Буландер в рецензии на роман «Подросток» в «Дагенс нюхетер» от 5 ноября 1928 г.).

В 1924 г. в шведских газетах появилась дискуссия о том, является ли Достоевский индивидуалистом и анархистом. Начал ее писатель и литературный критик К. Хагберг, который, интерпретируя слова Дмитрия Карамазова, провозглашает Достоевского пророком анархизма, для которого Бог и дьявол — это части человека, психологические понятия. «История европейского индивидуализма — это история завоевания Запада русским Богом», — заключает Хагберг, подчеркивая, что Ницше не изобрел ничего нового относительно Достоевского [Hagberg 1924].

На статью Хагберга последовал полемический ответ Ф. Буре. Автор напоминает о том, что Достоевский в большевистской России был бы неизбежно казнен, а также утверждает, что последователи Достоевского в Германии неправильно его поняли. «При всей своей мудрости и самобытности, Достоевский <...> изо всех сил стремится вернуть крестьянскую примитивность своих отцов. Крестьянин почти всегда индивидуалист, особенно в критические моменты» [Bure 1924].

Помимо «анархизма», обсуждался также «национализм» Достоевского. Поэт Р. Йендель пишет: «В том, чтобы быть русским, заключалась — так он <Достоевский> сам говорил — глубочайшая способность быть человеком. Человек русский и человек вселенский — тождественные для него понятия» [Jändel 1944: 424]. Славянофильство Достоевского Йендель связывает с его неприятием рожденного на Западе нигилизма: «Он нашел там <в народе> живой дух, который тщетно искал в “просвещенных” западных людях. Борьба между русским и западным была, таким образом, для него борьбой между верой и нигилизмом, между духовным и материаль-

ным» [Jändel 1944: 427–428]. Очевидно, эти высказывания Йенделя основаны на недавно переведенном А. Йенсенем «Дневнике писателя».

Пик и спад «лихорадки» по Достоевскому

«Лихорадка» по Достоевскому (по выражению философа А. Альберга [цит. по Linnér 1961: 283] достигла пика на рубеже 1910–1920-х гг. В ноябре 1921 г. все шведские газеты публикуют материалы к столетию Достоевского, а в 1922 г. активно приветствуют неделю гастролей театра Станиславского и Немировича-Данченко, во время которой были показаны сцены из «Братьев Карамазовых».

Критик А. Бруниус, оглядываясь на 1905–1923 гг., называет этот период временем «культа Достоевского» [Brunius 1923: 129]. Бруниус видит необходимость развенчания этого культа. В частности, он вслед за Брандесом критикует интерес к болезненности мировосприятия Достоевского и представление об эпилепсии как священной болезни. Бруниус характеризует Достоевского как «молодого человека с головой, забитой непереваренным школьным чтением, находящегося в ярости от того, что недавно проглотил», и говорит о его вторичности по сравнению с произведениями Толстого [Brunius 1923: 134]. Особенно Бруниус критикует структуру произведений Достоевского: то, что непонятно, закончился сон или нет, то, что автор резко обрывает сюжетное повествование, чтобы рассказать анекдот [Brunius 1923: 135].

Однако Бруниусу не удалось развенчать культ Достоевского: хотя ко второй половине 1920-х гг. «лихорадка» несколько спала, всё же и после публикации его статьи в Швеции на открытия Достоевского опираются многие авторы — как полюбившие его творчество в начале XX в. (Э. Вэгнер, Я. Бергман, С. Лагерлёф), так и представители нового поколения (Л. Алина, С. Дельбланка, Б. Тротциг, Р. Вернлунд, К. Веннберг, Л. Юлленстен), находящие в творчестве Достоевского ответы на новые актуальные вопросы, в первую очередь касающиеся последствий научно-технического прогресса и политики «дома для народа».

Заключение: «культ Достоевского» в Швеции начала XX в.

Интерес к творчеству Достоевского после затишья 1890-х гг. вновь проявился в Швеции в 1906 г. во многом в связи с публикацией работы Мережковского «Л.Н. Толстой и Достоевский», а также в контексте растущей обеспокоенности отношениями с Россией и опытом революции в нашей стране. Этот интерес вылился в появление большого количества переводов, рецензий и дискуссий и достиг пика к рубежу 1910–1920-х гг., когда шведы осмыслили опыт

Первой мировой войны. В романах Достоевского шведы видели предвосхищение вопросов и чаяний своего времени. А. Стриндберг, С. Лагерлёф, Я. Сёдерберг, М. Кох, Д. Андрессон, Р. Йендель, Э. Вэгнер и П. Лагерквист обращались к образам и темам Достоевского в своих произведениях.

Достоевский воспринимался в контексте современных социально-политических условий в России и Швеции и вновь переведенной русской литературы: М. Горького и Л. Андреева. Свойственный 1880-м гг. взгляд на Достоевского как на нигилиста уступает место попыткам определить его то как анархиста, то как социалиста. Вызывают горячие дискуссии предполагаемые индивидуализм и национализм Достоевского. Восприятие поэтики и пафоса произведений тоже меняется относительно 1880-х гг.: если ранее шведская критика вслед за Г. Брандесом отвергала «болезненность» и «мистику» в творчестве Достоевского, то теперь эти особенности воспринимаются как признак гениальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андрейчук К.Р.* Ранняя рецепция творчества Ф.М. Достоевского в Швеции (1880-е годы). Часть вторая // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. № 1 (895). С. 119–125.
2. *Андрейчук К.Р.* Ранняя рецепция творчества Ф.М. Достоевского в Швеции (1880-е годы). Статья первая // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 12 (893). С. 115–121.
3. *Андрейчук К.Р.* Социализм и/или христианство: влияние взглядов Ф.М. Достоевского на роман С. Лагерлёф «Чудеса антихриста» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2021. Т. 26. №3, 2021. С. 490–500.
4. *Кобленкова Д.В.* Творчество С. Лагерлёф и традиции русской классической литературы («Император Португальский») // Россия и Скандинавия: Литературные взаимодействия на рубеже XIX–XX вв. М., 2017. С. 313–322.
5. *Львовский А.О.* «Идиот» Ф.М. Достоевского и шведская литература начала XX века // Скандинавская филология. 1999. № 6. С. 158–165.
6. *Сухих О.С.* Традиции Ф.М. Достоевского в романе Я. Сёдерберга «Доктор Глас» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 5-1. С. 270–275.
7. *Шарыпкин Д.М.* Достоевский в восприятии шведских читателей // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1976. С. 270–276.
8. *Linnér S. Pär Lagerkvists livstro.* Stockholm: Bonniers, 1961.
9. *Szewczyk-Haake K.* The Ethical Turn in the Early Writings of Pär Lagerkvist // Folia Scandinavica Posnaniensia. 2015. Vol. 18. P. 49–66.
10. *Witt-Brattström E.* Ediths jag. Edith Södergran och modernismens födelse. Stockholm, 2011.
11. *Ågren G.* Kärlek som i allting bor: Dan Anderssons liv och diktning 1916–1920. Stockholm, 1971.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. Brandes G. Indtryk fra Rusland. Kjøbenhavn, 1888.
2. Brunius A. Dostojevski-kulten // Kätterier i konst, litteratur, teater. Stockholm, 1923. S. 129-144.
3. Bure F. Borgaren, anarkisten och bonden // Svenska dagbladet. 28.02.1924.
4. Den ryska frihertsrörelsens diktare // Svenska dagbladet. 31.01.1905.
5. Gorkij M. Den nyaste ryska litteraturen // Dagens nyheter. 31.10.1923.
6. Hagberg K. S. Franciscus, Dostojevskij och filistern // Svenska dagbladet. 12.02.1924.
7. Jensen A. Tsardömet vid skiljövågen: nutidsskildringar från Ryssland. Stockholm, 1905.
8. Jändel R. Dostojevskij i hans tidskriftsartiklar // Poesi och prosa. Stockholm: Tidens förlag, 1944. 3. 424-428.
9. Koch M. Fjodor Dostojewski: Döda huset // Jämtlands Folkblad. 20.12.1913.
10. Levertin O. Dimitri Mersjkovski. Tolstoj och Dostojevski som människor och konstnärer (H. Gebers förlag) // Svenska dagbladet. 6.09.1906.
11. Persson F. Tystnadens skalden // Arbeter. 28.07.1915.
12. Smith E. Märklig premiär på Intima teatern // Svenska dagbladet, 31.10.1920.
13. Tre samtal. Af Vladimir Solovjev. Öfversättning från ryskan af E. Weer. Albert Bonniers förlag // Svenska dagbladet. 5.04.1911.

REFERENCES

1. Andreichuk K.R. Rannyya retseptsiya tvorchestva F.M. Dostoevskogo v Shvetsii (1880-e gody). Chast' vtoraya [The Early Reception of F.M. Dostoevsky's Works in Sweden (1880-s). Part 2]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Moscow State Linguistic University Bulletin. Humanities]. 2025. No.1 (895). Pp. 119–125. (In Russ.)
2. Andreichuk K.R. Rannyya retseptsiya tvorchestva F.M. Dostoevskogo v Shvetsii (1880-e gody). Stat'ya pervaya [The Early Reception of F.M. Dostoevsky's Works in Sweden (1880s). Part 1]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Moscow State Linguistic University Bulletin. Humanities]. 2024. No. 12 (893). Pp. 115–121. (In Russ.)
3. Andreichuk K.R. Sotsializm i/ili khristianstvo: vliyanie vzglyadov F.M. Dostoevskogo na roman S. Lagerlef «Chudesa antikhrista» [Socialism and/or Christianity: F.M. Dostoevsky's Influence on S. Lagerlöf's Novel Antichrist's Miracles]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism]. 2021. Vol. 26. No. 3. Pp. 490–500. (In Russ.) DOI:10.22363/2312-9220-2021-26-3-490-500
4. Koblenkova D.V. Tvorchestvo S. Lagerlef i traditsii russkoi klassicheskoi literatury («Imperator Portugal'ski») [The works of S. Lagerlöf and the Traditions of Russian Classical Literature ("The Emperor of Portugal")]. *Rossiya i Skandinavskaya Literatura: vzaimodeystviya na rubezhe XIX–XX vv.* [Russia and Scandinavia: Literary Interactions at the Turn of the 19th–20th Centuries]. Moscow, IMLI RAN, 2017. Pp. 313–322. (In Russ.)
5. L'vovskii A.O. «Idiot» F.M. Dostoevskogo i shvedskaya literatura nachala XX veka [F.M. Dostoevsky's Novel Idiot and the Swedish Literature of the Beginning of the 20th Century]. *Skandinavskaya filologiya* [Scandinavian Philology]. 1999. № 6. Pp. 158–165. (In Russ.)
6. Sukhikh O.S. Traditsii F.M. Dostoevskogo v romane Ya. Sederberga «Doktor Glas» [F. M. Dostoevsky's Traditions in Hj. Söderberg's Novel Doctor Glas]. *Vestnik Niz-*

hegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Nizhniy Novgorod University named after N.I. Lobachevsky Bulletin]. 2012. № 5-1. Pp. 270–275. (In Russ.)

7. Sharypkin D.M. Dostoevskii v vospriyatii shvedskikh chitatelei [Dostoevsky in the Reception of Swedish Readers]. Dostoevskii. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka, 1976. Pp. 270–276. (In Russ.)
8. Linnér S. Pär Lagerkvists livstro. Stockholm, Bonniers, 1961. 317 s.
9. Szweczyk-Haake K. The Ethical Turn in the Early Writings of Pär Lagerkvist. *Folia Scandinavica Posnaniensia*. Vol. 18. 2015. Pp. 49–66.
10. Witt-Brattström E. Ediths jag. Edith Södergran och modernismens födelse. Stockholm, Norstedts, 2011. 348 p.
11. Ågren G. Kärlek som i allting bor: Dan Anderssons liv och diktning 1916–1920. Avhandling för filosofie doktorsexamen i litteraturvetenskap. Stockholm, Stockholms Universitet, 1971. 467 p.

SOURCES OF EXAMPLES

1. Brandes G. Indtryk fra Rusland. Kjøbenhavn, Guldendalske boghandels Forlag (F. Hegel & Son), 1888. 506 p.
2. Brunius A. Dostojevski-kulten. Kätterier i konst, litteratur, teater. Stockhom, Svenska Andelsförlaget, 1923. S. 129–144.
3. Bure F. Borgaren, anarkisten och bonden. *Svenska dagbladet*, 1924-02-28.
4. Den ryska frihertsrörelsens diktare. *Svenska dagbladet*, 1905-01-31.
5. Gorkij M. Den nyaste ryska litteraturen. *Dagens nyheter*, 1923-10-31
6. Hagberg K.S. Franciscus, Dostojevskij och filistern. *Svenska dagbladet*, 1924-02-12.
7. Jensen A. Tsardömet vid skiljövägen: nutidsskildringar från Ryssland. Stockholm, Bonnier, 1905. 255 s.
8. Jändel. R. Dostojevskij i hans tidskriftsartiklar. Poesi och prosa. Stockholm, Tidens förlag, 1944. S. 424–428.
9. Koch M. Fjodor Dostojewski: Döda huset. *Jämtlands Folkblad*, 20.12.1913.
10. Levertin O. Dimitri Mersjkovski. Tolstoj och Dostojevski som människor och konstnärer (H. Gebers förlag). *Svenska dagbladet*, 1906-09-06.
11. Persson F. Tystnadens skalden. *Arbeter*, 1915-07-28.
12. Smith E. Märklig premiär på Intima teatern. *Svenska dagbladet*, 1920-10-31.
13. Tre samtal. Af Vladimir Solovjev. Öfversättning från ryskan af E. Weer. Albert Bonniers förlag. *Svenska dagbladet*, 1911-04-05.

Поступила в редакцию 19.04.2025

Принята к публикации 27.05.2025

Отредактирована 08.09.2025

Received 19.04.2025

Accepted 27.05.2025

Revised 08.09.2025

ОБ АВТОРЕ

Ксения Руслановна Андрейчук — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук; enantiosemia@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Kseniia R. Andreichuk — PhD, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; enantiosemia@yandex.ru